

ОТРЫВКИ НА ЗЛОБУ ДНЯ.

Въ № 286 «Русского Листка» появилось опровержение Шарля Омона на мой фельетонъ отъ 14-го октября.

Въ этомъ опроверженіи (влянусь, воть никогда не думалъ, что мнѣ придется дожить до полемики съ г. Омономъ!) касается не существа дѣла, а исключительно моей личности.

Согласитесь, это — довольно оригинальный способъ опроверженій!

Защитить свою личность я сумѣю и помню своего «отдѣла»: это я и сдѣлаю въ ближайшемъ будущемъ, — не какъ сотрудникъ какой-либо газеты, а какъ оклеветанный человѣкъ.

Теперь же устанавливаю фактъ.

Г. Омону угодно было изложить «инцидентъ» для вѣщаго эффекта связать его съ редакціей «Русского Слова».

Содержатель «заведенія» въ Камергерскомъ переулкѣ обвиняетъ меня въ посященіи его шато-кабака.

Каюсь. Грѣшный человѣкъ. Я холостъ и... епіе помн... иногда бывалъ у г. Омона.

Что дѣлать?!

Но пусть г. Омонъ успокоится. Никрипимруемый инцидентъ, на которомъ основано все опроверженіе его, по словамъ самого г. Омона, произошелъ 10-го февраля 1899 года.

Сотрудничая же я въ «Русскомъ Словѣ» съ мая 1899 года, и съ тѣхъ поръ я не посѣщалъ «заведеніе» господина Омона, такъ что послѣдній совершенно напрасно припутывается за это время мою личную жизнь къ дѣламъ редакціи «Русского Слова»!

Редакція «Русского Слова» здѣсь не причеми!

Если бы мнѣ пришлось стать на личную почву (увѣи мнѣ брать подтверженія всякимъ несчастіямъ—такова профессія!), мнѣ бы чрезвычайно пришлось говорить и о той газетѣ, въ которой я сотрудничалъ въ то время...

Это же я пытаюсь дѣлать по двумъ причинамъ, конечно, непонятнымъ для г. Омона.

Во-первыхъ, у насъ не принято разоблачать домашнія дѣла той газеты, гдѣ работалъ, — это долгъ профессиональный...

Во-вторыхъ, руководитель того органа, въ которомъ я сотрудничалъ, когда мнѣ пришлось изучать нравы г. Омона, чтобы впоследствии ихъ прче изобразить, кромѣ добра мнѣ ничего не сдѣлалъ, и, по челоѣчеству, якъ нему, кромѣ симпатичнаго чувства, ничего не питаю...

Слѣдовательно, здѣсь я связанъ по рукамъ и ногамъ, чего никогда не понималъ г. Омонъ...

Между нами есть маленькая разница: я, скромный фельетонистъ Сигма-Ро, зарабатываю каждую свою строчку своимъ перомъ и кровью, великолѣпный же господинъ Омонъ проживаетъ десятки тысячъ, заработанныхъ на кровѣ

тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя густыми толпами еженощно поочинаютъ его притонъ.

Какимъ же орудіемъ намъ бороться?!

За меня только одна бѣдная голая правда; за господина же Омона то же голое... истина... въ лицѣ легіона тѣхъ обнаженныхъ дамъ, которыя демонстрируются у него еженощно...

* *

Но перейдемъ къ дѣлу.

Господину Омону жеманливо все перевести на личную почву и, изливая грязь на меня и попутно на себя, тѣмъ самымъ заслонить самую сущность дѣла.

Этого я сдѣлать не позволю.

Наши личности не интересны никому, — общество интересуется самымъ дѣломъ, и о немъ только и нужно говорить...

А дѣло самое вопіющее!

Что значитъ моя или г. Омона личность въ сравненіи съ тѣмъ колоссальнымъ вредомъ, который приносятъ заведеніе господина Омона... Песчаника—въ Сахарѣ!

Время пройдетъ... Меня не будетъ, прикочать жизнь защитники Омона, сотаѣютъ и кости самого господина Омона, но зло, которое посѣлалъ сей мужъ... не умреть...

Оно пустило слишкомъ глубокіе корни!

Вотъ объ этомъ-то за я и пишу...

И это зло не можетъ заслоняться ни мной, ни г. Омономъ, никакъ...

Ибо это—дѣло общественное!

Вотъ господинъ Омонъ просто толкуетъ о какихъ то моихъ автографахъ, думая этимъ защититься...

А я только-что получилъ рядъ писемъ въ редакцію, на мое имя съ автографами читающей публики: мени благодарятъ, мени просятъ писать дальше, мнѣ сообщаютъ фактъ объ инцидентѣ съ омовскимъ заведеніемъ, отъ которыхъ кровь холодеетъ въ жилахъ...

И эти письма хранятся въ редакціи!

Но не въ этомъ дѣло...

Пусть я буду извергомъ естества, а господинъ Омонъ—ангеломъ добродѣтели; согласнусь даже съ тѣмъ, если господинъ Омонъ получитъ монтионовскую премію за добродѣтель...

И все же дѣло не въ насъ съ г. Омономъ, а въ самомъ дѣлѣ...

На этой почвѣ я стою и вновь утверждаю: да, заведеніе господина Омона безприветвенно, оно служитъ очагомъ заразы для молодежи, губить ее и разиращаетъ.

И пусть кто-либо изъ московскихъ публицистовъ рѣшится мнѣ возразить хоть слово

№ 288 Рус. Слово.

на мое слово правды объективной по адресу г. Омона...

И вѣрю, что такого не найдется, — нужно же знать въ чемъ-нибудь ибѣру, нельзя выходить открыто въ защиту такого тлетворнаго начала...

Есть же правда на землѣ... Вѣдь дрогнетъ же когда-нибудь рука и у разбойника...

Гдѣ-то тамъ далеко... есть совѣсть и у разбойника пера... Можно увлекаться, но нельзя сознательно защищать зло...

Это, наконецъ, прямо грѣшно!

И самый фактъ, что Омонъ дерзнулъ нечестно обмануть свою «просвѣтительную» дѣятельность—явленіе глубокозначимое...

* *

Перейдемъ къ фактическимъ возраженіямъ г. Омона... Что это за перлъ наивности!

Напримѣръ, господинъ Омонъ (радуюсь, у насъ народился новый публицист!) говорить: «Все, что происходило у меня въ ресторанахъ (такъ онъ называетъ свой театр!), находится подъ контролемъ тѣхъ, которые не допустятъ оскорбленія челоѣческихъ чувствъ».

Вотъ помстивъ золотыя слова!

Ну, скажите, кто, кромѣ ребенка, можетъ по-вѣрить, что въ ресторанахъ господина Омона, который именуется и театромъ, бдительно охраняются челоѣческія чувства?!

Вѣдь можно же дойти до такихъ геркулесовыхъ столбовъ наглости?!

Напрасно господинъ Омонъ киваетъ на администрацію. Мнѣ лично извѣстно, что администрація постоянно эланивается въ дѣла учрежденія господина Омона и по ибѣрѣ своихъ силъ ограждаетъ публику отъ упомянутого вліянія...

Но общій губительный перегаръ, въ которомъ гибнутъ тысячи жертвъ,—этого ни полиціи, ни администраціи уловить не можетъ...

Слѣдовательно, администрація здѣсь опять таки не при чемъ!

Чтобы подвѣрять только вѣрный порядокъ въ заведеніи господина Омона, слѣдуетъ приставить къ каждому столу по околоточному надзирателю.

Едва ли городъ способенъ на такіе расходы, и едва ли заправилы его рѣшится сдѣлать это даже для прекрасныхъ глазъ господина Омона.

Въ заключеніе господинъ Омонъ говорить, что пишется не съ цѣлью возраженія...

Понятно, ибо что же можно возразить на мои слова, не касаясь моей личности?

Правды не скроешь!

По если господинъ Омонъ ужъ записался въ журналисты—пусть попробуетъ. Я отвѣчу.

Pour la bonne bouche—маленькій курьезъ...

Г. Омонъ, въ первый благороднаго негодованія, изрекаетъ, между прочимъ, что я получилъ воспитаніе, вѣроятно, въ кафе-шантанѣ изыскаго разбора... Къ сожалѣнію, юностей я не посѣщалъ г. Омона, и здѣсь есть маленькая неточность.

Я получилъ воспитаніе не въ кафе-шантанѣ, а какъ разъ въ томъ самомъ заведеніи, гдѣ учился бывший хозяинъ г. Омона, у котораго этого великолѣпный сюжетъ служилъ ласкомъ къ началу своей карьеры.

Надѣюсь, что между нами есть маленькая разница... Не правда ли?

Сигма-Ро.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь,

г. редакторъ!

Въ № 286 газ. «Русскій Листокъ» напечатано письмо «извѣстнаго» г. Омона. Въ этомъ письмѣ г. Шарль Омонъ осмѣливается клеветать на меня, будто бы я являлся къ нему въ контору вымогать объявленія и въ случаѣ отказа грозилъ разоблаченіемъ въ печати.

Все это—совершенно ложь отъ начала до конца. Въ конторѣ г. Омона я никогда не былъ, объявленій у него не вымогалъ и вообще никакихъ требованій къ нему не предъявлялъ. Равнымъ образомъ не могъ я дѣлать г. Омону никакихъ угрозъ, такъ какъ содержаніе газеты отъ меня нисколько не зависить.

Объявляю все написанное обо мнѣ въ № 286 «Русского Листка» гнусною клеветой, дающей мнѣ право привлечь какъ г. Омона, такъ и г. Казецкаго, напечатавшаго письмо г. Омона, къ законной отвѣтственности.

Управляющій конторою газ. «Русское Слово»
И. Венедиктовъ.